

English for Specific Purposes in Higher Education in Uzbekistan: Status, Challenges, and Framework for Sustainable Development

Sevinch YOKUBOVA¹

ARTICLE INFO

Article history:

Received September 2025

Received in revised form 5
September 2025

Accepted 10 October 2025

Available online 25 October
2025

Keywords:

English for Specific Purposes
(ESP),
higher education,
Uzbekistan,
educational reform,
teacher training,
curriculum development,
teaching materials,
student motivation,
CEFR.

ABSTRACT

This study analyzes the implementation of English for Specific Purposes (ESP) programs in Uzbekistan's universities. Despite policy support, implementation remains superficial due to a shortage of trained instructors, non-contextualized materials, and weak inter-departmental collaboration. The paper proposes a national framework for sustainable ESP development aimed at aligning education with international standards and labor market needs, thereby enhancing graduates' professional communication skills.

2181-3701/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol3-iss9/S-pp51-60>

This is an open-access article under the Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

O'zbekiston oliy ta'limida maxsus maqsadlarga yo'naltirilgan ingliz tili: holati, muammolari va barqaror rivojlanish uchun asoslar

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

Maxsus maqsadlar uchun
ingliz tili (ESP),
oliy ta'lim,
O'zbekiston,
ta'lim islohoti,
o'qituvchilarni tayyorlash,
o'quv dasturlarini ishlab
chiqish,

Ushbu tadqiqotda O'zbekiston universitetlarida maxsus maqsadlar uchun ingliz tili (ESP) dasturlarining joriy etilishi tahlil qilinadi. Siyosiy qo'llab-quvvatlashga qaramay, malakali o'qituvchilarning yetishmasligi, moslashtirilmagan o'quv materiallari va kafedralararo hamkorlikning zaifligi sababli dasturlarni amalga oshirish yuzaki bo'lib qolmoqda. Maqolada ta'limni xalqaro standartlar va mehnat bozori ehtiyojlariga moslashtirishga qaratilgan ESPni barqaror rivojlantirish

¹ Sevinch.y2000@gmail.com

o'quv materiallari,
talabalar motivatsiyasi,
CEFR.

bo'yicha milliy konsepsiya taklif etiladi, bu esa bitiruvchilarning
kasbiy muloqot ko'nikmalarini oshirishga xizmat qiladi.

Английский для специальных целей в высшем образовании Узбекистана: статус, проблемы и рамки для устойчивого развития

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

Английский для
специальных целей (ESP),
высшее образование,
Узбекистан,
реформа образования,
подготовка
преподавателей,
разработка учебных
программ,
учебные материалы,
мотивация студентов,
CEFR.

В данном исследовании анализируется внедрение программ английского языка для специальных целей (ESP) в университетах Узбекистана. Несмотря на государственную поддержку, реализация остается поверхностной из-за нехватки квалифицированных преподавателей, неадаптированных учебных материалов и слабого межведомственного сотрудничества. В статье предлагается национальная рамочная программа для устойчивого развития ESP, направленная на согласование образования с международными стандартами и потребностями рынка труда, что позволит улучшить профессиональные коммуникативные навыки выпускников.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной глобализированной экономики владение английским языком в специализированных академических и профессиональных контекстах все чаще рассматривается как ключевая компетенция выпускников. Английский для специальных целей (ESP) — подход к языковому образованию, адаптированный к конкретным потребностям учащихся в их дисциплинах или профессиях, — развивался на протяжении последних десятилетий в ответ на этот спрос. ESP обычно делится на такие подобласти, как английский для академических целей (EAP) и английский для профессиональных целей (EOP). В отличие от общего курса английского языка, ESP фокусируется на конкретных жанрах, терминологии и коммуникативных навыках, необходимых в различных областях (например, медицине, праве, инженерии), и строится на детальном анализе потребностей и целей учащихся. основополагающие работы Хатчинсона и Уотерса (1987) подчеркивали, что ESP должен быть подходом, ориентированным на учащегося и его потребности, а более поздние исследования выделили важность контекстно-зависимых материалов и результатов.

Узбекистан представляет собой убедительный пример внедрения ESP в переходном, постсоветском образовательном контексте. С момента обретения независимости в 1991 году страна последовательно повышала значимость английского языка в образовании и обществе. Знаковый Указ Президента 2012 года положил начало национальной реформе иноязычного образования, предписав раннее обучение английскому языку и принятие Общеευропейских компетенций

владения иностранным языком (CEFR) для стандартизации уровней владения языком. На уровне высшего образования эта политика привела к внедрению курсов ESP в неязыковых вузах, чтобы выпускники научных, инженерных, медицинских и юридических программ приобретали профессионально-ориентированные навыки английского языка. Приверженность правительства подтверждается рядом инициатив: например, все преподаватели английского языка в Узбекистане теперь обязаны иметь сертификат уровня C1 по шкале CEFR (с надбавками к зарплате для тех, кто его достиг), а с 2013 года дети начинают изучать английский с 1-го, а не с 5-го класса, чтобы заложить более прочную основу.

Несмотря на эти реформы, фактическая интеграция ESP в высшее образование Узбекистана сталкивается со значительными препятствиями. Ранние наблюдения местных экспертов показывают, что многие университеты внедрили курсы ESP лишь поверхностно, например, переименовав существующие курсы «Общего английского» в «Профессиональный английский» без существенных изменений в содержании или педагогике. Также отмечается нехватка эмпирических исследований о том, как ESP преподается в узбекских аудиториях и с какими конкретными проблемами сталкиваются преподаватели и студенты. Данное исследование призвано восполнить этот пробел. Основной исследовательский вопрос: *Как реализуются программы ESP в университетах Узбекистана и какие проблемы влияют на их успех в различных профессиональных областях (медицина, инженерия, право, наука)?*

Основная гипотеза исследования заключается в том, что внедрение ESP остается неравномерным и в значительной степени символическим из-за совокупности факторов, в первую очередь — недостаточной подготовки преподавателей, ограниченной доступности контекстуализированных учебных материалов и слабой институциональной интеграции между языковыми и профильными кафедрами. Рассматриваются также две альтернативные гипотезы: (1) использование импортных, универсальных учебников ESP без местной адаптации приводит к несоответствию реальным профессиональным потребностям студентов и, следовательно, подрывает их вовлеченность; и (2) эффективное обучение ESP зависит от активного сотрудничества между преподавателями языка и преподавателями-предметниками, что в настоящее время является редкостью в Узбекистане.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Глобальные перспективы ESP

Область ESP основана на принципе адаптации языкового образования к конкретным потребностям учащихся. Классическая концепция Хатчинсона и Уотерса (1987) позиционировала ESP как подход, который «начинается с учащегося, а не с языка», что означает, что разработка учебной программы начинается с определения того, что учащимся *нужно делать* на английском языке в их академической или профессиональной деятельности. Дадли-Эванс и Сент-Джон (1998) дополнили это определение, подчеркнув, что ESP характеризуется специфическими целями, использует методологию и задачи целевой дисциплины и ориентирован на соответствующий язык (регистр, навыки, жанры), необходимый учащимся для функционирования в их области. Они также подчеркнули важность анализа потребностей, разработки учебных программ, создания материалов и

оценки в ESP — роли, которые часто требуют от практиков ESP быть не только учителями, но и разработчиками курсов и сотрудниками, работающими со специалистами в предметной области.

Эффективные программы ESP по всему миру задокументированы в таких областях, как бизнес, авиация, туризм, информационные технологии и академическая сфера. Факторы успеха обычно включают: (а) преподавателей, обладающих как высоким уровнем владения английским языком, так и рабочими знаниями дискурса целевой области; (б) материалы, включающие аутентичные тексты или сценарии из данной области; и (в) поддержку со стороны учреждения или отрасли для обеспечения соответствия целей профессиональным стандартам. Однако, как отмечает Бастуркмен (2010), ESP всегда требует адаптации к местным условиям — курс, успешный в одной стране, не может быть напрямую перенесен в другую без модификации. Это подтверждает идею о том, что *анализ местных потребностей* является краеугольным камнем ESP.

Образовательные реформы в Узбекистане и становление ESP

В Узбекистане продвижение владения английским языком является заметной частью образовательной реформы последнего десятилетия. Указ Президента 2012 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» официально ввел шкалу CEFR в национальную систему образования и подчеркнул цель воспитания молодого поколения, свободно владеющего иностранными языками, для повышения глобальной конкурентоспособности страны. В высших учебных заведениях было предписано, что «нефилологические» факультеты должны предлагать курсы *профессионального английского языка*, соответствующие их специальности.

Для поддержки этих изменений Узбекистан начал международное сотрудничество. Программа *EnSPIRe-U* (English for Specific Purposes Integrated Reform in Uzbekistan), запущенная в 2016 году Министерством высшего и среднего специального образования совместно с Британским Советом, была направлена на создание *национальной модели* учебной программы и подготовки преподавателей ESP. Проект разработал целостный план реформ, состоящий из пяти ключевых направлений: *учебная программа, разработка материалов, оценка, подготовка преподавателей и стандарты*, — все они основаны на соответствии международным передовым практикам (в частности, CEFR). Предусмотренная учебная программа ESP представляла собой не единый фиксированный учебный план, а гибкую структуру, которую каждое учреждение могло адаптировать к своим дисциплинам. Вместо одного национального учебника EnSPIRe-U предложила разработать *типовые образцы материалов* и обучить местных преподавателей созданию собственного контента.

Параллельно с этим, более широкие политические шаги косвенно поддерживали ESP. В 2017 году Министерство высшего образования начало поощрять программы *обучения на английском языке (English-Medium Instruction, EMI)* в отдельных университетах. Кроме того, *Стратегия развития на 2017–2021 годы* и последующая *Стратегия развития «Новый Узбекистан» на 2022–2026 годы* определили развитие человеческого капитала, включая владение иностранными языками, в качестве приоритета. Постановление Президента 2021 года укрепило поддержку языкового образования, создав новые языковые центры и призвав к

использованию инновационных методов обучения. В 2019 году правительство утвердило *Концепцию развития системы высшего образования до 2030 года*, которая прямо призывает к повышению качества и актуальности высшего образования, развитию у студентов критического мышления и креативности, а также приведению результатов университетов в соответствие с международными стандартами. Эти стратегии высокого уровня создают благоприятную политическую среду для ESP, по крайней мере, на бумаге. Однако, как показывают предыдущие исследования, между политикой и практикой сохраняется разрыв, который и будет исследован в данной работе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расхождение между политикой и практикой: поверхностное внедрение

На политическом уровне Узбекистан четко предписал интеграцию ESP в учебные программы высших учебных заведений, однако претворение этих предписаний в эффективную практику остается непоследовательным. Все четыре университета, участвовавшие в исследовании, формально ввели курсы «Профессиональный английский» или «ESP». Например, в Ташкентской медицинской академии (ТМА) есть курс «Английский для медицинских целей», а в Техническом университете — «Профессиональный английский для инженеров». Эти курсы якобы соответствуют целям CEFR, стремясь к тому, чтобы студенты к выпуску достигли уровня B2.

Однако анализ учебных планов и программ показал, что многие из этих курсов ESP лишь номинально отличаются от общего английского. В ТМА в программе были указаны такие темы, как «Чтение медицинских текстов» и «Практика диалога врач-пациент», но предписанным учебником был общий курс английского языка для среднего уровня с несколькими дополнительными разделами по медицинской терминологии. Подобная картина наблюдалась и в Юридическом университете, где на курсе «Юридический английский» в основном использовался международный учебник, дополненный кратким глоссарием юридических терминов. Преподаватели подтвердили, что подлинная специализация содержания ограничена. Один из них признался: «Мы стараемся охватить некоторую специфическую лексику, но по сути я преподаю общий английский, потому что это то, что я знаю лучше всего и что поддерживается материалами».

Кроме того, учебная нагрузка и количество кредитов, выделяемых на курсы ESP, оказались низкими — часто 2 академических часа в неделю. И преподаватели, и студенты считали это недостаточным для достижения амбициозных целей CEFR. Как выразился один студент-медик: «У нас были занятия английским всего час два раза в неделю. Этого недостаточно, тем более что мы в основном повторяли общие грамматические темы. Мы редко практиковали медицинское общение». Этот разрыв между ожиданиями и реальным временем/содержанием обучения указывает на поверхностное внедрение: университеты формально соблюдают требования, но курс может быть недостаточно строгим или специализированным. Оценка знаний также остается традиционной. Например, итоговый экзамен по курсу английского языка для инженеров представлял собой письменный тест, в основном ориентированный на общую лексику и понимание прочитанного, и лишь несколько вопросов касались технической лексики. Устные презентации или

проектные работы для оценки не использовались, хотя это критически важные навыки для инженеров.

Подготовка преподавателей: центральная проблема

Одним из наиболее критических факторов, влияющих на внедрение ESP в Узбекистане, является готовность преподавателей вести занятия по узкоспециализированному английскому. Большинство преподавателей ESP, участвовавших в исследовании, имеют опыт преподавания общего английского; у них, как правило, филологическое образование и мало формальной подготовки в тех предметных областях, которые они теперь должны освещать. Например, ни один из трех преподавателей «медицинского английского» в ТМА не имел медицинского образования. Они сообщили, что им приходится самостоятельно изучать медицинскую терминологию и концепции «на ходу». «Когда меня назначили преподавать ESP для медиков, мне пришлось потратить много времени на чтение медицинских текстов и даже консультироваться с преподавателями-предметниками, чтобы понять основы», — сказал один преподаватель.

Отсутствие специализированных программ подготовки преподавателей ESP является системной проблемой. В нынешних программах педагогического образования в Узбекистане нет отдельного направления или сертификации по ESP. Все опрошенные преподаватели указали, что они учились преподавать ESP в основном методом проб и ошибок. Некоторые посещали краткосрочные семинары, но считали их недостаточными для серьезного углубления знаний. Одним из последствий такой ограниченной подготовки является снижение уверенности и эффективности преподавателей. Несколько преподавателей признались, что они склонны придерживаться преподавания общих навыков английского языка, потому что чувствуют себя с ними более комфортно, вместо того чтобы глубоко интегрировать технический контент.

Это создает системный «разрыв в компетенциях», который порождает порочный круг. Поскольку в системе нет механизма для подготовки квалифицированных преподавателей ESP, на эту роль назначаются неквалифицированные (но желающие) преподаватели общего английского. Эти преподаватели, осознавая свои ограничения в предметной области, применяют «безопасные», но неэффективные стратегии обучения (например, придерживаются учебника, фокусируются на грамматике). Это приводит к плохим результатам обучения и низкой вовлеченности студентов. Администрация, рассматривая ESP как еще один языковой курс, не вкладывает средства в необходимую специализированную подготовку или совместные структуры. Отсутствие хороших результатов подкрепляет низкий статус ESP, обеспечивая продолжение этого цикла. Это не личная неудача преподавателей, а структурный сбой образовательной системы.

Учебные материалы: проблема контекстуализации

Качество и актуальность учебных материалов стали еще одним решающим фактором эффективности курсов ESP. Во многих узбекских университетах стандартным подходом является принятие существующего учебника — часто импортного — в качестве основы учебной программы. Повторяющейся темой как у преподавателей, так и у студентов было то, что многие из этих материалов не соответствуют местному контексту. Один преподаватель прокомментировал

учебник для инженеров: «Он написан зарубежными авторами — все сценарии о западных компаниях, высокотехнологичных лабораториях... наши студенты не могут полностью соотнести это с собой, а некоторые тексты слишком сложны или не имеют отношения к тому, чем они будут заниматься на самом деле».

Студенты также отмечали, что примеры и кейсы в книгах часто не отражают реалий Узбекистана. Студент-юрист сказал: «В книге был раздел о британской правовой системе. Интересно, но как будущим узбекским юристам нам было бы полезнее научиться читать на английском контракты или законы, которые относятся к международным делам или нашей собственной системе». Это иллюстрирует когнитивный диссонанс, который может возникнуть при использовании нелокализованных материалов.

Отсутствие разработанных на местном уровне материалов ESP является одновременно и причиной, и следствием вышесказанного. Несколько преподавателей упомянули, что создание комплексного учебника было бы идеальным вариантом, но им не хватает времени, опыта или поддержки. Одним из заметных усилий была работа в медицинской сфере: преподаватели ТМА при поддержке Британского Совета разработали типовую программу ESP и составили модули, охватывающие общение врача и пациента, чтение медицинских исследований и ведение больничной документации, адаптированные для узбекских студентов. Эта типовая программа, рассчитанная на студентов с уровнем не ниже B1, включала шесть модулей, таких как «Анатомия — терминология и описание тела», «Сбор анамнеза (практические диалоги)» и «Общественное здравоохранение — чтение и представление исследований». Однако эти материалы все еще находились в пилотном использовании. В таких областях, как инженерия и право, одобренных на национальном уровне материалов ESP, по-видимому, пока не существует.

Педагогические практики и вовлеченность студентов: мотивационный парадокс

Анализ практик в аудитории показал, что занятия по ESP в Узбекистане постепенно включают больше интерактивных заданий, но многие по-прежнему основаны на традиционных методах преподавания языка. Распространенные виды деятельности включали презентацию лексики, чтение технических текстов с последующим переводом или вопросами, а также структурированные разговорные практики.

В некоторых классах, особенно там, где преподаватель чувствовал себя уверенно в предметной области, наблюдались динамичные взаимодействия. Например, на занятии по медицинскому ESP преподаватель организовал ролевую игру, где один студент был врачом, а другой — пациентом. Однако были задокументированы и случаи уроков, ориентированных на преподавателя, где учитель говорил большую часть времени, а студенты были пассивными слушателями. Это отражает более широкую проблему в образовательной системе, которая исторически опиралась на методы «грамматика-перевод» и лекции.

Уровень мотивации студентов варьировался в зависимости от специальности, что подтверждает гипотезу о влиянии воспринимаемой релевантности на вовлеченность. Студенты-медики и студенты программ с международной ориентацией (например, международное право) демонстрировали

более высокую внутреннюю мотивацию. Они часто осознавали, что большая часть современных медицинских знаний публикуется на английском языке, и видели прямую выгоду в изучении медицинской терминологии. Напротив, некоторые студенты-инженеры (особенно в областях, которые в основном ориентированы на местный рынок) были менее мотивированы, рассматривая английский как дополнительный предмет, не связанный напрямую с их ближайшими перспективами трудоустройства.

Это различие в мотивации является мощным диагностическим инструментом, который показывает, какие программы ESP успешно продемонстрировали свою актуальность, а какие — нет. Мотивация студентов — это не врожденное качество, а прямой ответ на дизайн учебной программы. Задача преподавателей — повысить осведомленность о релевантности для всех областей. Например, даже инженер-строитель может работать над проектами с иностранными партнерами или использовать международные стандарты на английском языке.

Институциональная интеграция: барьер изолированности

Эффективные программы ESP часто требуют преодоления барьеров между языковыми кафедрами и профильными факультетами. Исследование показало, что в системе высшего образования Узбекистана институциональная интеграция ESP слаба. ESP обычно рассматривается как исключительная ответственность кафедры иностранных языков, с минимальным вкладом или сотрудничеством со стороны профильных кафедр (медицины, инженерии, права и т.д.).

В настоящее время нет формального механизма или требования для преподавателей-предметников вносить вклад в разработку учебных программ ESP. В Юридическом университете, например, учебная программа по английскому языку была разработана языковой кафедрой, но профессора права не принимали активного участия в процессе. Это отсутствие сотрудничества может привести к несоответствию между тем, что преподается, и тем, что действительно необходимо в данной области.

Идея создания совместных комитетов по разработке учебных программ для ESP (с участием как преподавателей языка, так и преподавателей-предметников) была высказана администраторам, и хотя большинство согласилось, что теоретически это хорошо, они ссылались на «нехватку времени и дополнительную нагрузку» как на барьеры. Там, где сотрудничество все же имело место, оно явно улучшало программу. Преподаватель медицинского ESP, сотрудничавший с профессором-предметником, сообщил, что студенты очень положительно отреагировали на занятия, где присутствовал профессор: «После того как врач пришел к нам на занятие и провел сессию вопросов и ответов на английском, студенты поняли, зачем им нужно это учить — это стало для них реальным».

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты рисуют всеобъемлющую картину текущего состояния ESP в высшем образовании Узбекистана, выявляя сочетание прогресса и сохраняющихся проблем. Рабочая гипотеза о том, что «внедрение ESP в Узбекистане остается поверхностным и неравномерным из-за нехватки подготовки преподавателей, ограниченности материалов и институциональных пробелов», находит убедительное подтверждение в полученных данных. В каждой

тематической области коренные причины низкой эффективности связаны именно с этими факторами.

Наблюдаемый разрыв между амбициозной политикой и реальной практикой является классическим примером «разрыва во внедрении», характерного для реформ, проводимых «сверху вниз». Политическая воля правительства сильна, но необходимый институциональный потенциал и инфраструктура на местах отстают. Это приводит к ситуации «символического соответствия», когда учреждения принимают язык реформ, не меняя при этом своей практики. Успех политики зависит не только от самой политики, но и от реалистичной оценки способности системы ее воспринять и выполнить.

Проблемы, с которыми сталкивается Узбекистан, во многом схожи с опытом других стран, внедряющих ESP или CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение). Однако в контексте Узбекистана существуют особые ограничения — наследие методов, ориентированных на преподавателя, и относительно позднее внедрение коммуникативных подходов. Это означает, что базовый набор навыков многих преподавателей в плане интерактивного обучения ниже, чем в некоторых других контекстах.

Проблемы следует рассматривать не как неудачу в преподавании английского языка, а как сбой в *управлении образованием и проектировании системы*. Отдельные проблемы (навыки преподавателей, плохие учебники) являются симптомами. Основная причина — это институциональная структура, которая является жесткой, изолированной и не предназначенной для поддержки междисциплинарных программ, таких как ESP. Административные системы университета — модели рабочей нагрузки, распределение бюджета, критерии найма, оценка эффективности — активно препятствуют тому самому сотрудничеству, которое необходимо для успеха ESP. Следовательно, рекомендации не могут касаться только педагогики; они должны затрагивать эти более глубокие административные и структурные барьеры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Узбекистан находится на важном этапе своих образовательных реформ, и английский для специальных целей призван сыграть ключевую роль в соединении местного опыта с глобальным взаимодействием. Данное исследование показало, что, хотя страна добилась значительных успехов в признании и инициировании ESP в высшем образовании, предстоит еще много работы для того, чтобы эти инициативы принесли плоды в аудиториях по всем регионам и дисциплинам.

Текущее состояние внедрения ESP характеризуется энтузиазмом на политическом уровне, но неравномерным практическим исполнением. Выявленные проблемы — нехватка подготовленных преподавателей, отсутствие локально релевантных материалов, медленное изменение традиционных педагогических привычек и недостаточная интеграция между языковым и предметным обучением — до сих пор ограничивали эффективность курсов ESP.

Однако результаты также указывают на возможности и положительные признаки: сильная мотивация многих студентов и преподавателей, отдельные успехи, такие как совместно разработанные учебные программы, и основа, заложенная проектами, подобными EnSPIRe-U. Предлагаемая национальная рамочная программа развития ESP предлагает дорожную карту для

систематического устранения слабых мест. Реализуя эти шаги, Узбекистан сможет перейти к модели ESP, которая будет одновременно основана на местных реалиях и соответствовать международным стандартам. В конечном итоге, это позволит готовить выпускников, которые не только являются компетентными профессионалами в своих областях, но и могут уверенно работать на английском языке на мировой арене, что соответствует национальному видению развития конкурентоспособной, глобально интегрированной рабочей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Hutchinson, T., & Waters, A. (1987). *English for Specific Purposes: A learning-centred approach*. Cambridge University Press.
2. Dudley-Evans, T., & St. John, M. J. (1998). *Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach*. Cambridge University Press.
3. Belcher, D. (2009). What is ESP? In D. Belcher (Ed.), *English for Specific Purposes in Theory and Practice* (pp. 1-20). University of Michigan Press.
4. Basturkmen, H. (2010). *Developing Courses in English for Specific Purposes*. Palgrave Macmillan.
5. Johns, A. M. (2013). The history of English for specific purposes research. In B. Paltridge & S. Starfield (Eds.), *The Handbook of English for Specific Purposes* (pp. 5-30). Wiley-Blackwell.
6. Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan. (2012, Dec 10). *On Measures to Further Improve the System of Learning Foreign Languages* (Decree No. 1875).
7. Tangirova, K. (2017). The Status of English and Russian in Uzbekistan. *The Warwick ELT e-zine*.
8. British Council Uzbekistan. (2016). *English for Specific Purposes – EnSPIRe-U Project Description*.
9. Yuldosheva, N. G. (2024). Teaching English for Specific Purposes in Uzbekistan. *Luchshie Intellektualnye Issledovaniya*, Part 30, Vol.1, 130-136.
10. Presidential Resolution of the Republic of Uzbekistan. (2021, May 19). *On Measures to Raise to a Qualitatively New Level the Activities on Popularizing the Study of Foreign Languages* (Resolution No. 5117).
11. Uzbekistan Ministry of Higher and Secondary Specialized Education. (2019). *Concept for the Development of the Higher Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030*.
12. Normuratova, V., & Kinjemuratova, A. (2024). Problems in Teaching English for Specific Purposes in Non-Linguistic Universities. *European Scholar Journal*, 5(10), 13-18.
13. Rahmanova, G., & Yangın Ekşi, G. (2023). English-Medium Instruction in Higher Education in Uzbekistan: Views on Effectiveness, Career Prospects and Challenges. *World Journal of English Language*, 13(5), 458-468.
14. Juraev, A. Kh., et al. (2019). English for Specific Purposes (ESP) and English for Medical Academic Purposes (EMAP) for Uzbekistan Medical Students. *Central Asian Journal of Medicine*, 2019(3), 57-62.
15. Polenova, O. (2018). Pedagogical Tandem as an Innovative Method in ESP. *Modern Education Journal*, 4(2), 3-7.
16. British Council. (n.d.). *English Impact Report - Uzbekistan*.